

Героическая победа в развязанной американскими агрессорами “грязной войне” в 1970-х стала звёздным часом Вьетнама в международной жизни. Затем страна ушла в политическую тень. Теперь она вновь выходит на мировую авансцену, но уже в иной ипостаси: заговорили об “экономическом чуде Малого дракона”. Правда, объясняют его по-разному. Своими размышлениями на эту тему делится недавно вернувшийся из Индокитая учёный и публицист Георгий Цаголов.

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

ТАЙНЫ МАЛОГО ДРАКОНА

Куда идёт Вьетнам? Чему у него поучиться?

Поучительный опыт

Весьма поучителен опыт успешных скандинавских государств, Китая, Индии, Бразилии. В их ряду теперь стоит и Вьетнам, чьё динамичное и гармоничное развитие особенно заметно на фоне былой нищеты его народа, а также долго бушевавшей на территории страны кровопролитной и разрушительной войны. За последние 25 лет ВВП на душу населения во Вьетнаме увеличился в 6 раз, а темпы экономического роста составляли около 8%, являясь вторыми в мире после Китая. Глобальный кризис не сильно притормозил их. Из числа наиболее отсталых и бедных государств на Земле Вьетнам переместился в группу среднеразвитых и, наряду с Китаем и Индией, получил признание как один из наиболее перспективных азиатских рынков. Он уже стоит на пороге вхождения в клуб “новых индустриальных стран”. Не случайно его величают не иначе, как Малым драконом.

После 1991 года лишь четыре государства продолжают называть себя социалистическими. Северная Корея и Куба имеют на то все основания. По поводу Вьетнама и Китая мнения расходятся.

Лидеры Вьетнама по-прежнему декларируют приверженность марксизму-ленинизму и “идеям Хо Ши Мина”, подчёркивая социалистический характер настоящего и будущего страны, на алых знаменах которой, как и раньше, золотятся пятиконечная звезда, серп и молот. Но спрашивается, как это увязывается с разрастающимся архипелагом частной собственности на средства производства и неизбежно вытекающими отсюда капиталистическими отношениями в экономике?

Распространено и противоположное утверждение: Вьетнам переходит от социализма к капитализму. При этом одни критически замечают, что процесс

ЦАГОЛОВ Георгий Николаевич — доктор экономических наук, профессор Международного университета в Москве, член Союза писателей России, обладатель ряда литературных премий, в том числе за книгу “Почему всё не так” с присвоением звания лауреата конкурса “Лучшая книга 2011–2013”.

мог бы идти последовательнее и быстрее, другие же считают, что в государстве давно уже существует капиталистическая “начинка”, а от социализма осталась лишь “обёртка”.

Что же происходит на самом деле? Куда идёт Вьетнам?

Своими глазами

В поисках ответа на этот вопрос появилось желание увидеть страну своими глазами. Встречи с учёными из Института Дальнего Востока РАН, особенно с руководителем Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, ведущим исследователем современной вьетнамской экономики в России В. М. Мазыриным, оказались полезными: была рекомендована неизвестная ранее литература и получены контакты со знающими людьми, к которым можно обратиться по прибытии.

Перелёт из Москвы в Сайгон продолжался 10 часов и казался несколько утомительным. Рядом сидел молодой человек крепкого спортивного сложения, который, как выяснилось, не в первый раз направлялся туда на отдых. Запомнился фрагмент из разговора:

– Чем, по-вашему, прельстителен столь отдалённый уголок?

– Прежде всего, людьми, удивительно приветливыми, трудолюбивыми и воспитанными. Они аккуратны, дисциплинированы, неприхотливы, оптимистичны, мало пьют. Обычно в аэропорту беру мотобайк – наиболее популярное средство передвижения – и затем уже еду на нём, куда хочу. Цены на товары и услуги довольно низкие. Иностранцу во Вьетнаме комфортно и безопасно.

Последовавшее турне подтвердило справедливость этих слов.

Живописное местечко Муйне возле города Фантхиет – один из многочисленных курортов, возникших в последнее время вдоль раскинувшегося на тысячи вёрст побережья Южно-Китайского моря, называемого во Вьетнаме Восточным. Бесконечно тянутся широкие, с чистым, как будто просеянным через мельчайшее сито, молочным-золотистым песком пляжи. Пятизвёздочная гостиница “Анантра” соответствует европейским стандартам. Вышколенный персонал услужлив и предупредителен, но не подобострастен. Россияне составляют большинство съезжающих сюда со всего света туристов. Многих привлекает популярный нынче спорт на воде – кайтсёрфинг.

Повсюду реклама на русском языке, на котором пусть кое-как, но всё же изъясняются служащие в отелях, магазинах и кафе. А где-то работают и нанятые для лучшей коммуникации наши соотечественники либо представители стран СНГ. Гурманам здесь раздолье: разнообразие свежих тропических фруктов и овощей, знаменитые супы “фо”, королевские креветки, разные диковинные морепродукты, прочие лакомства. При желании можно отведать лапки лягушек, пельмени из кенгуру, мясо страуса или крокодила. И каждое блюдо стоит от одного до двух долларов (20–40 тыс. вьетнамских донгов).

С хозяином расположенного неподалёку от отеля магазинчика я познакомился при покупке местной сим-карты. Когда-то Дан учился в Советском Союзе и не забыл русский. Совершая вечерний променады, заглядывал к нему и посвящался в тайны местной жизни. Узнал, например, что иностранец может лишь взять в аренду недвижимость, а не приобрести её в собственность. Земля же вообще не является частной собственностью.

Желая поближе ознакомиться с бытом вьетнамцев, я как-то намекнул, что был бы рад побывать у него дома. Дан загадочно улыбнулся и дал понять, что это несколько проблематично: тогда, возможно, его соседи доложат кое-кому, что у него были контакты с иностранцами, и придётся давать объяснения, чего ему не очень-то хотелось. За тихой гладью, наблюдаемой на поверхности вьетнамского общества, показали глубинные течения, о которых не прочтёшь в книгах или газетах.

Да и впоследствии во время встреч с рядом титулованных учёных и крупных предпринимателей замечалось их стремление обходить острые социально-политические темы. Как отчеканил хозяин одной инвестиционной фирмы: “Мы интересуемся бизнесом, а в политику не лезем”.

Между тем, большинство простых людей не чурались таких разговоров. Из бесед с теми, кто средних лет и постарше, сложилась следующая картина: ограничение свобод во Вьетнаме по сравнению с прежним, дореформен-

ным или, как его некоторые называли, “тоталитарным” временем резко сократилось. Но всё же власти довольно суровы к инакомыслящим.

Стоит ли удивляться их жёсткости и стремлению не выпускать из-под контроля судьбу нации, если не забывать, чего только она не натерпелась от чужеземцев?

Дракон и Феникс

Посещение пагод, храмов, монастырей, замков и дворцов окунало в историю и культуру Вьетнама, напомидало основные вехи и перипетии жизни древней восточной нации. Находящееся между Индией и Китаем полуостровное государство впитало в себя не только буддизм и конфуцианство, но и многие другие религии, философии и традиции, занесённые издалека.

В ухоженных интерьерах пагод и обширных домов чаще всего встречались изображения дракона и феникса – символов страны.

Согласно легенде, дракон Лак Лонг Куан встретился в горах с волшебной птицей Ау Ко. Они полюбили друг друга и поженились. Ау Ко снесла 100 яиц, из которых вылупились дети. Дракон был хозяином моря и проводил там время. За это жена стала корить мужа, на что он ответил: “Я из рода драконов, а ты – птиц. Нам, видимо, не суждено быть вместе. Давай разделим детей поровну: я с 50-ю уйду к морю, а ты с остальными поднимешься в горы или останешься на равнине. Будем помогать друг другу и управлять нашими королевствами”. Так они и сделали.

Подобно фениксу, Вьетнам не раз восставал из пепла. Летописцы свидетельствуют, что вьетнамцам в общей сложности пришлось около двух тысячелетий бороться с внешними завоевателями. Не только Китай и другие соседи нападали на них с разных сторон. Старшее поколение прочно держит в памяти жестокости колониальной эры.

Вторгшийся в середине XIX века в Индокитай французский империализм сокрушил слабеющий феодальный режим Вьетнама, аннексировал и расчленил его территории. Около сотни лет французами нещадно эксплуатировались природные и людские ресурсы. Сюда направлялась готовая продукция метрополии, а по дешёвке вывозились натуральный каучук, цветные металлы, рис, чай, кофе. Временами Францию оттесняла Япония и другие хищники.

В XX веке за освобождение вьетнамского народа от империалистов и их внутренних пособников взялись коммунисты. После окончания Второй мировой войны они его добились. Возникла Демократическая Республика Вьетнам. Направленная против колонизаторов и феодалов Августовская революция 1945 года обрела и антикапиталистический характер. Но радоваться пришлось недолго. Второе пришествие французов сопровождалось кровопролитными баталиями. Оно вызвало мощное движение Сопротивления. Патриотические силы и Хо Ши Мин ушли в подполье. Французский колониальный режим просуществовал до 1954 года.

Да и затем “покой лишь снился”. Страна оказалась расколота на две части по 17-й параллели. Предусматривалось её воссоединение путём проведения демократических выборов. Но в южную часть Вьетнама высадились вознамерившиеся “сдерживать коммунизм в Азии” американцы. Установив там марионеточный режим, они спровоцировали войну против северян. Она продолжалась почти двадцать лет и стала самым масштабным и кровавым конфликтом второй половины XX века.

Музей в Сайгоне

Несколько дней, проведённых в Сайгоне (или Хошимине, как его теперь официально называют), оказались особо впечатляющими. Здесь живёт и работает около 10 миллионов человек – в два раз больше, чем в расположенной на Севере столице – Ханое.

Недавно вознесённые стеклянные небоскрёбы поблёскивают отражёнными солнечными лучами. В них свили гнёзда офисы крупных местных и транснациональных корпораций, привлечённых разрастающимся экономическим и туристическим центром. Здания пониже несут печать прежних колониальных времён: когда-то Сайгон являлся столицей Французского Индокитая. Насаж-

дая свою культуру, потомки Наполеона желали превратить его в “Восточный Париж”.

В ряде районов активно строятся современные жилые комплексы. На каждом шагу — рестораны, бары, гостиницы, массажные салоны. Улицы запружены мотобайкерами, которых в городе 4 миллиона. Автомобилей в 10 раз меньше. Встречаются и велорикши.

Экскурсию начали с посещения находящегося неподалёку от центра города Музея военных реликвий, или американских военных преступлений, как его именовали раньше.

Перед входом в огороженном дворе под открытым небом представлены трофейные образцы тех самых вертолётов, штурмовиков и истребителей, посредством которых джи-ай вели химическую войну, осуществляя ковровые бомбардировки с применением напалма. В общей сложности ими было сброшено 14 миллионов тонн взрывчатых веществ, что в несколько раз больше, чем во время Второй мировой войны на всех театрах боевых действий. На вьетнамские леса, рисовые поля, реки и мирное население смертоносным градом сыпались токсичные дефолианты, в том числе зловеющий “оранжевый порошок” (диоксин).

Здесь же — громадные танки, зенитные установки, коллекция снарядов, бомб и мин, которыми солдаты морской пехоты насаждали “демократию” за многие тысячи миль от своего дома, превращая в руины целые города, деревни и населённые пункты.

А в другой части — экспонаты советского оружия, которое вьетнамцы использовали для отражения агрессии. СССР многие годы оказывал всестороннюю помощь, как тогда говорили, “братским народам Индокитая”.

По стенам многоэтажного музея развешаны фотографии, рассказывающие об ужасах тех роковых событий. Перед глазами проходит целая галерея карательных экспедиций, в частности, сожжённая дотла вместе с её обитателями деревня Сонгми, пытки и истребление сотен тысяч других ни в чём не повинных граждан. Среди экспонатов представлены и французская гильотина и “тигровые клетки”, которые использовались для вьетнамских пленников.

Неопровержимые документы свидетельствуют и о последствиях тех страшных времён: химические яды вызывали рак и мутации нескольких поколений. Посетителей охватывает дрожь при виде образцов человеческих зародышей с чудовищными уродствами. До сих пор рождаются дети со страшными аномалиями. Итог войны: колоссальный экономический урон, огромные площади заражённой земли и три миллиона убитых. Из 300 музеев Вьетнама лишь этот взят под защиту ЮНЕСКО.

Перестройка минус гласность

Первое десятилетие после победного окончания войны над заокеанскими агрессорами и объединения страны в 1975 году под флагом социализма Вьетнам развивался в русле ортодоксального марксизма-ленинизма. Отвергающая частную собственность и инициативу централизованная командно-административная система оправдывала себя в военные годы. Но в мирное время она всё отчетливее обнаруживала черты упадка и застоя. Поддержка Советского Союза, возросшая после приёма Социалистической Республики Вьетнам в СЭВ в 1978 году, позволяла всё же как-то удерживать экономику на плаву. Однако плачевное состояние вьетнамского народа не улучшалось.

В середине 1980-х годов социально-экономические язвы обострились до предела. Огромный бюджетный дефицит и эмиссия породили бурную инфляцию. Проведённая денежная реформа не помогла. В низах прежде смиренного и терпеливого вьетнамского общества нарастал ропот. Верхи уже не могли управлять по-старому. Страну охватил системный кризис. Явно напрашивались перемены. Опасаясь взрыва народного гнева, Политбюро ЦК Коммунистической партии Вьетнама (КПВ) решило выступить их инициатором.

Кое-какие эксперименты, в частности, внедрение рыночных отношений в аграрную сферу, опробовались и раньше. Они давали неплохие результаты. Их одобрил и состоявшийся в 1979 году Пленум ЦК КПВ. Но власти Ханоя всё же не рисковали идти дальше, избегая вызвать недовольство “старшего брата”. ЦК КПСС в те времена активно боролся со всякого рода “национальными моделями социализма”.

Благоприятный момент назрел после прихода к власти в СССР Горбачёва и объявленной им “перестройки” и “гласности”. Руководство КПВ на своём VI съезде в конце 1986 года также провозгласило политику обновления – по-вьетнамски “дой мой”. Усилению реформаторских настроений в партии содействовала кончина давнего главы КПВ, героя освободительной войны Ле Зуана.

Новые лидеры решили начинать не с расшатывания устоев политической власти, а с конкретных преобразований в хозяйственной сфере. Кто-то даже обозначил формулу: “дой мой = перестройка минус гласность”. Патриотические настроенные вожди партии и государства как будто заранее предвидели, что произойдёт с Россией, где под шумок деклараций о “демократических реформах” развалили всё, что было связано с социализмом, экономикой и государством.

В поисках нужного варианта взоры вьетнамских теоретиков устремились к экономическому учению Кейнса, в котором виделись близкие к марксизму положения, перенятые Западом у Советского Союза. Во вьетнамской литературе того времени в качестве образца для подражания часто упоминался и имевшийся в 20-е годы прошлого столетия опыт российского нэпа. Присматривались и к более поздним успешным экономическим моделям, в частности, “шведскому социализму”, где высокий уровень капиталистического развития сочетается с социальным равенством и одновременно практикуется активное участие государства в экономике.

Вьетнамские руководители советовались и с творцом экономического чуда в Сингапуре Ли Куан Ю. Сингапур вызывал у вьетнамских политиков неподдельное восхищение “сочетанием авторитаризма с экономикой свободного рынка”. Изучались причины взлёта других “азиатских тигров”: Южной Кореи, Тайваня и Гонконга. Но там активную помощь оказали стремившиеся укрепить устои капитализма на азиатском континенте США. Поэтому наиболее подходящим примером послужил Китай и первые успехи его реформ, начатых с конца 1970-х годов Дэн Сяопином.

Китайский ориентир

Во Вьетнаме, как и в Поднебесной, провозгласили: “Практика – критерий истины”. Как и там, начали с сельского хозяйства, где была занята большая часть населения и производилась основная часть продукции. Как и там, вместо колхозов и госхозов стали вводить семейный подряд, означающий передачу земли государством в аренду непосредственно тем, кто её обрабатывает. Как и там, в стране заработали рыночные принципы хозрасчёта и самоокупаемости.

Крестьянам был предоставлен равный доступ к земле (по едокам). Они по-прежнему были обязаны продавать государству часть продукции по закупочным ценам. Но их повысили, а остальным урожаем теперь уже можно было распоряжаться по своему усмотрению. Номенклатуру перестали навязывать сверху. В южной части Вьетнама обобществлённые и перераспределённые ранее наделы возвращались прежним собственникам. Коллективные и общественные формы производства и обмена на селе уступали место частным: из 50 тысяч сельскохозяйственных кооперативов к началу 1990-х годов сохранилось не более четверти.

Хотя землю не передавали в частную собственность, она предоставлялась по договору долговременной аренды на 15–20, а затем и на 30–50 лет с последующей пролонгацией. При этом было разрешено переуступать полученные участки третьим лицам за плату. По сути, возник земельный рынок с легализованным процессом обмена, передачи в наследство и залог земельных прав.

В аграрной сфере прежде жившего по канонам “военного коммунизма” социалистического Вьетнама заработал рыночный механизм, устраняющий уравниловку, стимулирующий труд и увеличивающий его плоды. Миллионы влчивших прежде жалкое существование крестьян вышли из нищеты. Рыночная механика демонстрировала свои неоспоримые преимущества. Вьетнамские руководители незамедлительно подвели под это теоретическую базу: дескать, открытый Марксом закон соответствия действует – найдены адекват-

ные уровню развития производительных сил производственные отношения. Их окрестили “рыночной экономикой с социалистической ориентацией”.

Но жизнь не вполне укладывалась в схему. Одновременно с этим не ставили себя долго ждать и другие функции основного регулятора товарного производства. Из-за колебания цен и прочих факторов значительная часть крестьян попадала в долговую зависимость и, лишившись земли, разорялась. Одни были вынуждены переходить на положение наёмных работников в хозяйства зажиточных односельчан, другие пополняли ряды пауперов. Многие эмигрировали в города и становились строительными рабочими, велорикшами, няньками, уборщицами и служанками. Вместе с тем, происходила концентрация земли в руках крупных фермеров, владеющих по 50–100 га и более.

Власти принимали меры для поддержки тех, кто “проиграл соревнование”, пытались помочь им “подняться”. Но таковых оказывалось слишком много, чтобы государство было в состоянии сделать это.

Поэтому руководство СРВ стало действовать весьма осмотрительно, не бросаясь из крайности в крайность. Поддержка коллективному сектору со стороны государства не прекращалась, а курс на его дальнейшее свёртывание не форсировался.

После VIII съезда КПВ в 1996 году было признано целесообразным и желательным любое добровольное объединение средств и орудий труда, проведение совместных хозяйственных операций. Власти Вьетнама призвали население формировать коллективные структуры нового типа на основе долевого участия, одобрили развитие современной кооперации, похожей на аналогичный сектор в передовых странах мира.

В нулевые годы XXI века общее количество кооперативов даже несколько выросло, хотя среднее число участников каждого из них сократилось. Как пишет ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама ИДВ РАН историк Г. М. Локшин: “Верное своему врождённому прагматизму и сильнейшему политическому чутью, руководство КПВ продолжает строить новый тип производственных отношений в деревне через ненасильственную, выгодную крестьянам кооперацию”. А газета “Вьетнам ньюс” недавно подмечала, что использование пулов и “крупно-полевой модели” – *large-field model* – во многих случаях увеличивает прибыли предприятий на 50%.

Введение свободы предпринимательства повсюду возродило хозяйственную инициативу. Ожилились мелкая промышленность и строительство, а особо – сфера торговли и слуг. Частный сектор превращался в основной источник занятости. Не раз приходилось наблюдать, что частный дом во Вьетнаме является и местом для малого бизнеса. Как правило, его первый этаж занят магазинчиками, парикмахерскими, ремонтными мастерскими, а на втором проживает семья. Препон для старта бизнеса немного. Чтобы собрать справки для открытия кафе, к примеру, хватает трёх дней.

Темпы роста вьетнамской экономики с началом перемены резко возросли, достигая временами почти 10% в год, а фактические капиталовложения увеличились на 25%. Бедность стала отступать. Санкционированные властями прямые иностранные инвестиции, которые в 1991 году равнялись 2,3 млрд долларов, к 1997 году поднялись до 31,2 млрд долларов. Внутренний спрос усиливался: люди покупали всё больше продуктов питания и предметов домашнего обихода. Мир заговорил о “вьетнамском феномене”.

В реформаторском лексиконе Малого дракона отсутствовало слово “приватизация”. Государственные фабрики, заводы и учреждения не распродавались, как у нас, за бесценок. Убыточные сектора либо закрывались, либо акционировались, постепенно переходя путём реально организованных конкурсов в руки набирающего силу частного сектора. Учитывалось согласие администрации и трудового коллектива предприятий, соблюдалось их преимущественное право на получение долей.

Как и в Китае, руководствовались девизом: “Держать большое, отпускать малое”. Госсектору продолжали принадлежать командные высоты в экономике – энергетика, горнодобывающая промышленность, нефтяные предприятия, транспорт. В его руках оставались и финансы, хотя со временем и там начали появляться частные и смешанные банки. Иностранные учреждения получили допуск сюда лишь в последнюю очередь.

Как и в Китае, централизованное планирование не разрушалось, а становилось более гибким. План и рынок совмещались друг с другом, а оптималь-

ный баланс между ними поддерживался руководством страны. Сохранялось планирование выпуска важнейших видов продукции, хотя сужался круг устанавливаемых показателей и уменьшался контроль над ценами на базовые виды товаров и услуг.

В то же время власти увеличивали поддержку частного сектора, усматривая в нём силу, способствующую здоровой конкурентной борьбе, а в итоге – росту эффективности всей экономики.

Ориентация на китайскую модель не означала слепого её копирования. Заимствовался и опыт других успешных стран, преимущественно азиатских. Национальные особенности Вьетнама также учитывались. В сравнении с Китаем действовали осторожнее. В результате социализма в стране сохранилось больше, чем в Поднебесной. Тем не менее, аналога Тяньаньмэнь удалось избежать.

Как открывали двери

Внешнеэкономическая стратегия прежде отгороженной от капитализма “железным занавесом” страны менялась так же продуманно и без спешки. Позволявший сохранить устои прежнего общественного строя и уязвимую вьетнамскую экономику протекционизм сворачивался поэтапно, а политика открытости внешнему рынку и интеграции в мировое хозяйство вводилась дозированно. Обосновывая более либеральный курс, власти исходили из того, что в условиях свёртывания помощи от СССР преодолеть отсталость никак не удастся, не задействовав внешние источники роста. Но это была контролируемая, а не полная открытость, навязываемая “Вашингтонским консенсусом”.

Ввод в действие в 1988 году Закона об иностранных инвестициях гарантировал иностранный капитал от национализации. Это содействовало быстрому увеличению притока зарубежного капитала. Западные страны во главе с США пытались воспользоваться ситуацией и затянуть Вьетнам в свою орбиту. Но руководство страны регулировало процесс так, что первые капиталы шли из Азии: Тайваня, Южной Кореи, Сингапура, Гонконга, Японии и Китая.

Кроме того, оно активно опиралось на вьетнамских эмигрантов (вьетки-еу). После 1975 года с юга Вьетнама, опасаясь репрессий, сотни тысяч людей выехали за рубеж. Часть из них со временем преуспела в Америке, Западной Европе и Азии и была не прочь вернуться на родину или помочь своим родственникам и друзьям. Власти действовали разборчиво, с отсевом, понимая, что среди них окажутся и подрывные элементы, связанные с иностранными спецслужбами, например, с ЦРУ. Привлечение лояльных зарубежных “соотечественников” к участию в инвестициях приносило передовые знания, технологии, опыт и связи с надёжными западными партнёрами.

Подобно другим азиатским странам, во Вьетнаме стали предоставлять льготные условия иностранным инвесторам, выпускающим продукцию на экспорт или участвующим в улучшении инфраструктуры страны. Для этого вблизи крупных портов и торгово-экономических центров были созданы Специальные экономические зоны (СЭЗ). Теперь таковых насчитывается 135. Компании в них не платят никаких пошлин, импортируя оборудование, сырьё, комплектующие, при условии, что произведённая продукция затем будет вывозиться из страны. Для зарубежных фирм, осуществляющих капитальные вложения во Вьетнаме, открывающих собственные или совместные предприятия с современной или передовой техникой, предоставляется и ряд других налоговых льгот и послаблений.

В 1992 году СРВ наладила отношения с Европейским Союзом, несколько позже – с США, отменившими торговое эмбарго. В 1995 году страна вступила в Зону свободной торговли – в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – пространство, относительно не зависимое от старых мирохозяйственных центров. Страна получила ёмкий рынок сбыта, повысила эффективность производства за счёт расширения его масштаба. В 1998 году она стала членом АТЭС, а в конце 2006 года после длительных переговоров, в ходе которых были получены более или менее приемлемые условия, вошла в ВТО.

Присоединение к региональным и международным торгово-экономическим группировкам сделало возможным получение большой экономической

помощи, льготных кредитов от МВФ, Всемирного банка, Азиатского банка развития и стран – членов Парижского клуба.

Ожидается, что к 2015 году Вьетнам может стать региональным центром АСЕАН по торговле и инвестициям, что привлечёт в страну дополнительные капиталы. В 2008 году прямые иностранные вложения во вьетнамскую экономику достигли пика, составив более 70 млрд долларов.

Курс на “суверенную интеграцию” кардинально изменил прежние позиции Вьетнама в мировой экономике. Теперь он третий по величине поставщик нефти в Юго-Восточной Азии. Лидирует по экспорту риса, орехов кешью, чёрного перца и занимает второе место в мире по производству кофе, причём вкус местного продукта считается самым насыщенным, а запах – наиболее ароматным. Вьетнам поставляет не только фрукты, морепродукты, древесину, уголь, качественную и недорогую одежду, но и станки, электронику и бытовую технику. Например, в последние три года главным предметом его товарного экспорта в Россию стали мобильные телефоны, планшеты и ноутбуки, собираемые на заводах, принадлежащих иностранным инвесторам.

Между прочим, крупнейшим импортёром вьетнамских товаров являются США.

Обузданный джинн

Путешествуя по величайшей во Вьетнаме, да и в Индокитае реке Меконг, мы останавливались в тянущихся вдоль её берегов деревеньках и населённых пунктах, знакомились с продукцией кустарных художественных промыслов, посещали шёлковые мини-фабрики и производство кокосовых конфет. В дельте Меконга множество островков с узкими протоками между ними. Мы плыли на катере, а потом – уже по джунглям – пересаживались на маленькие лодки с гребцами в традиционных конусно-остроконечных соломенных шляпах. В ряде мест видели целые плавучие дома на понтонах. Под каждым подвешены сети, в них хозяева выращивают рыбу. Она живёт в естественной среде, получая объедки со стола. Обитатели хижин ожидают, когда рыба нагуляет вес.

В ходе круиза мы посещали и дома простых вьетнамцев, видели содержимое их скромного, но далеко не нищенского быта. В каждом доме – алтарь, фотографии предков на стенах, телевизоры, а нередко и компьютеры.

Рынок оживил и разогнал вьетнамскую экономику, но вместе с этим *выпустил из бутылки джинна* неравенства и прочих социальных пороков капитализма. Общество расслоилось. Рост богатства и благополучия одних по сравнению с незавидным имущественным положением других очевиден. Имеется также существенный разрыв уровня жизни в городах и деревнях, между населением равнинных и горных районов, между разными этническими группами. Но он имеет относительный, а не абсолютный характер, так как уровень жизни в стране в целом поднимается.

Власти стараются, прежде всего, уменьшить число граждан, находящихся за чертой бедности. С этой целью были развёрнуты специальные правительственные программы, малоимущие освобождены от налогов, увеличены пенсии. По стратегическому плану к 2020 году 80% населения должно получить медицинское страхование. Государство стало активнее отправлять молодёжь учиться за границу. В итоге бедность тает. Если в 1993 году она, по оценке Всемирного банка, охватывала 58% населения, то 10 лет спустя – 29%, а сейчас – 10%. Её уровень во Вьетнаме, как и показатели имущественного неравенства, теперь ниже, чем в Китае, Индии или на Филиппинах. Словом, *выпущенный джинн* хоть и не упрятан в бутылку, но всё же обуздан.

Вьетнамский народ продолжает быть собственником недр и прочих национальных богатств, что делает его более защищённым, чем, скажем, российский. Высокие темпы экономического роста рассматриваются руководством СРВ не как самоцель, а как способ улучшить жизнь населения, помочь беднейшим слоям снизить рыночные риски, получить защиту и стабильность. На основе активной социально-ориентированной политики оно добилось стабильности в обществе, что признают и международные экспертные организации. Показатели имущественной дифференциации во Вьетнаме ниже, чем в Китае и России.

Вместе с тем, вьетнамские власти не препятствуют справедливому обогащению способных и предприимчивых людей. Сейчас во Вьетнаме насчитывается множество долларовых миллионеров, треть из которых – женщины, и это необычно высокая для других стран доля.

Вьетнамские миллионеры, в отличие от их российских, не могли пожить за счёт общенародного имущества: здесь не было *приватизации по Чубайсу* и *залоговых аукционов по Потанину*. Поэтому путь к вершинам богатства во Вьетнаме не столь стремителен. Первоначальное накопление капитала происходило так, что тем, кто преуспел, приходилось не крышевать, воровать или присваивать себе государственное имущество, а основательно трудиться и рисковать. В стране, где проживает 88 млн человек, – лишь в полтора раза меньше чем в России, – сегодня имеется всего один миллиардер. У нас их в 100 с лишним раз больше.

Миллиардер из СРВ

Судьба богатейшего из вьетнамцев – Фам Нят Вьонга – весьма характерна для предпринимателей деловой элиты страны.

Фам означает “процветание”, но людей с такой фамилией здесь многие тысячи. Журнал *Forbes* оценивает его состояние в 1,5 млрд долларов. Основу составляет компания *Vingroup*, входящая в пятёрку самых дорогих из котирующихся на вьетнамской фондовой бирже.

Он родился в Ханое в 1968 году в бедной семье. Отец служил в войсках ПВО Северного Вьетнама, а мать торговала чаем на улице. Её скудные заработки порой и составляли основной бюджет семьи. “Мои мечты в то время были очень простыми, – вспоминает Фам. – Я просто хотел помочь своей семье”.

Он отлично учился в школе, выделяясь математическими способностями, и получил стипендию на обучение в Московском геологоразведочном институте, который окончил в 1993 году. Женившись на землячке-однокурснице, Фам решил не возвращаться на родину и отправился в одну из бывших советских республик – на Украину. Здесь семейная пара, собравшая 10 тысяч долларов у друзей и родственников, открыла вьетнамский ресторан. Но “большой прыжок” Фама связан с другим проектом. Молодой бизнесмен наладил выпуск лапши быстрого приготовления “Мивина”. Спрос на неё оказался столь велик, что временами Фам не боялся брать на расширение производства кредит под 8% в месяц!

Рискуя, ему удалось завоевать украинский рынок. “Мивина”, как “Ролтон” у нас, стала нарицательным именем для вермишели быстрого приготовления. В 2010 году он продал свою компанию “Техноком” концерну *Nestle* за 150 млн долларов.

Часть прибыли от продажи лапши Фам инвестировал во Вьетнам, ведя операции с недвижимостью, строя курорты, торговые центры, жилые дома. Сейчас в портфель его головной компании входит 31 проект, из которых 12 уже завершены, 3 находятся в стадии строительства, а остальные – планируются.

Одно из них – торгово-гостиничный комплекс *Vincom Center A* – мне довелось созерцать воочию, проходя по улице Донг Кхой, главной коммерческой артерии Сайгона. Впечатляющее здание поражает своим масштабом и включает торговые площади на 40 тыс. квадратных метров, пятизвёздочный отель на 300 номеров и несколько этажей подземной стоянки. Арендаторы первого этажа – *Versace*, “Гермес”, *Dior*. Стоимость объекта – полмиллиарда долларов. Говорят, что его открытие в прошлом октябре привлекло всеобщее внимание, так как большинство строительных объектов были заморожены после обвала рынка недвижимости в 2011 году – 13,5% кредитов из суммы в 10 млрд долларов, выданной во Вьетнаме на инвестиции в недвижимость, оказались “плохими”.

Сейчас Фам пытается привлечь средства от крупных иностранных инвесторов и выставить акции фирмы на зарубежных фондовых биржах. Фам вынашивает планы отстроить Вьетнам наподобие Гонконга или Сингапура. “Если мне удастся сделать это, то буду счастлив, – говорит Фам. – Хочу оставить что-то после себя, ведь после смерти деньги тебе не нужны”.

Стабильность в верхах

Некоторые эксперты выделяют во вьетнамском руководстве группы радикалов-реформаторов и консерваторов, другие — “западников” и сторонников прокитайской линии. Одни якобы считают, что рыночная экономика нуждается в более демократическом климате, вторые предпочитают китайскую модель открытой экономики под жёстким политическим контролем. Как бы то ни было, судя по всему, побеждает умеренная линия, закреплённая в программе КПВ, принятой на VII съезде КПВ в 1991 году, и в тексте действующей до сих пор Конституции 1992 года.

Внутри КПВ, насчитывающей около 4 млн членов, конечно, ведутся дискуссии и высказываются разные мнения. Какое-то время, например, широко обсуждалось, подобает ли члену компартии быть предпринимателем, эксплуатируя чужой труд, и одновременно проповедовать населению идеи социального равенства. Дискуссия была вызвана тем, что занятия бизнесом стали распространёнными среди партийных и административных чиновников. В результате на Пленуме ЦК КПВ, проходившем в июне 2005 года, было принято разрешительное решение, подтверждённое на X съезде КПВ в 2006 году. Теперь треть предпринимателей являются членами партии. У многих из них на лацканах красуются партийные значки, а кабинеты украшены портретами Хо Ши Мина.

Существуют разные позиции и в ЦК, и в Политбюро. Но не следует преувеличивать эти расхождения. Ведь на протяжении всего пореформенного времени, насчитывающего уже более четверти века, в правящей элите Вьетнама не наблюдалось расколов по главным вопросам внутренней и внешней политики. Все лидеры страны заинтересованы в стабильности государства и монополии компартии на власть. В 1988 году были распущены Социалистическая и Демократическая партии, сохранявшие формальную самостоятельность со времени участия в Августовской революции 1945 года. После этого во Вьетнаме полностью утвердилась однопартийная система.

Хотя степень расхождения мнений в правящей элите Вьетнама остаётся тайной за семью печатями, похоже, что она невелика. Важнейшие решения не принимаются без одобрения Политбюро ЦК КПВ и предварительного согласия когорты руководителей партии и государства. В состав Политбюро входят все первые лица государства: генеральный секретарь ЦК КПВ, президент и премьер-министр, председатель Национального собрания СРВ. Иногда такой консенсус объясняется верностью конфуцианским традициям. Но они свойственны и многим другим странам. А вьетнамский режим — самый стабильный в Юго-Восточной Азии и является предметом зависти правителей других стран региона.

Вьетнамских руководителей не прельщает ни нынешняя российская, ни западная модель развития. Они исходят из того, что строят альтернативное капитализму общество. Правда, признают, что принятая ими концепция “рыночной экономики с ориентацией на социализм”, подобно “социалистической рыночной экономике” в КНР, нуждается в теоретической доработке. Почему же это так долго не происходит? Для этого, думается, есть свои причины.

Новое интегральное общество

Термин “рыночная экономика” является эвфемизмом понятия “капитализм”, который, по словам одного немодного ныне мыслителя, “порождается рынком ежедневно и ежечасно”. Случайно ли используется смягчённая формулировка? Вряд ли. Сказать прямо: “капитализм с ориентацией на социализм” или “социалистический капитализм” — вроде бы несуразно. Считается, что они не совместимы. А собственно, почему?

Теория конвергенции получила широкое распространение в 1960-е годы. Одним из её разработчиков был великий русский социолог Питирим Сорокин. Вынужденный покинуть нашу страну на “философском пароходе” в 1922 году, он осел в Гарварде. Признанный мировым научным сообществом авторитет позже — в 1960 году — пророчески предрёк, что в будущем господствующим станет не коммунистический и не капиталистический, а интегральный тип общества, впитывающий в себя достоинства обеих формаций и отсеивающий их недостатки.

Витриной такого общества на Западе являются скандинавские страны. Рассуждая о “шведском социализме”, никто не имеет в виду, что там уже покончено с капитализмом или что шведы намерены сделать это в ближайшем или отдалённом будущем. Речь идёт о гибриде капитализма и социализма в рамках одного государства.

Из прежних социалистических стран к такому комбинированному типу общества в наибольшей мере в наши дни продвинулись Китай и Вьетнам. Строго говоря, называть их сегодня социалистическими странами так же некорректно, как именовать скандинавские государства чисто капиталистическими либо чисто социалистическими. Они смешанные, конвергентные.

Признание этого факта возглавляющими КНР и СРВ силами, безусловно, лило бы воду на мельницу общественной теории. Но тактически и политически это не совсем удобно. Ведь идеологической опорой этих компартий остаётся марксизм-ленинизм, отрицающий капитализм и такие свойственные ему атрибуты, как частная собственность на средства производства и эксплуатация человека человеком. А отречься от прежней веры напрямую нежелательно — можно разрушить важные скрепы общества.

Вот и получается довольно-таки забавная картина. В отличие от ленинского нэпа, введение капитализма в экономику не считается “временным отступлением” от социализма, а самим **строительством социализма** с “вьетнамской” или “китайской спецификой”, рассчитанным на “сотни лет”. В работах вьетнамских учёных и политических деятелей проскальзывает, что “в небольшой эксплуатации человека человеком нет ничего страшного”, а вопросы классовой борьбы, как правило, замалчиваются или отодвигаются в сторону.

Такой, с позволения сказать, камуфляж может быть оправдан в силу указанных обстоятельств, но чреват непониманием действительных противоречий и особенностей формирующегося на наших глазах **нового интегрального общества**, затушевыванием присущих ему проблем и законов движения.

Вьетнам и Китай, в отличие от России, стали государствами, в которых ленинский нэп **действительно утвердился всерьёз и надолго**. Командные высоты в экономике и политическая власть принадлежат силам, осуществляющим прогрессивные преобразования. Эти изменения происходят в эпоху, когда и капитализм, и социализм, взятые каждый по отдельности, продемонстрировали не только свои очевидные преимущества, но и серьёзнейшие пороки. Жизнь показала и то, что раньше считалось невозможным, — соединение достоинств обеих систем под одной государственной крышей. “Очевидно, — подмечает видный исследователь развивающихся стран, профессор А. И. Бельчук, — что СРВ, как и КНР, пошла по пути совмещения элементов плановой и рыночной экономики, то есть фактически конвергенции двух социально-экономических систем”.

Конвергентный набат раздаётся из наиболее успешных стран в современном мире. Но его не хотят слышать ни те, кто придерживается прежних “либеральных ценностей”, ни те, кто остаётся в плену марксистской ортодоксии. Между тем, строительство социализма с помощью капитализма или укрепление капитализма внедрением в него социалистических начал ведут к одному и тому же — комбинированному обществу.

Во Вьетнаме конвергентный синтез выступают так же отчетливо, как и в Китае. Социализм остаётся не только в сфере надстройки, как считают некоторые, но и в экономике. Его носителем здесь, прежде всего, выступает плановое хозяйство, видоизменённое, но не утратившее своей силы. Макроэкономическое планирование во Вьетнаме ведут скоординированные между собой министерства планирования и инвестиций, финансов, Государственный банк. Правительство Вьетнама реализует не только среднесрочные 5-летние планы, но и рассчитанные на 10 лет долгосрочные программы социально-экономического развития страны. Государство инициирует текущие проекты, обеспечивает их финансирование, формирует и выполняет бюджет. Такое планирование имеет направляющую и прогнозную значимость. Оно отчасти директивно, а отчасти — индикативно. Именно сохранение планового механизма помогло осуществить ускоренную трансформацию экономики во Вьетнаме и её модернизацию.

Капитализм во Вьетнаме, как и в Китае, раздувает паруса экономики, а планово-регулирующие макроэкономические рычаги сдерживают негативные стороны рынка, сохраняют, развивают и поддерживают пропорциональ-

ность, препятствуют поляризации общества. “В обеих странах (имеются в виду Китай и Вьетнам. – Г. Ц.) одновременно существуют элементы двух систем – капиталистической и социалистической, иначе говоря, в них возникла новая система конвергентного типа”, – приходит к заключительному выводу известный ученый-вьетнамовед, д. э. н. В. М. Мазырин (Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме. – М., ИД “ФОРУМ”, 2012. С. 382).

Когда-то вьетнамцы брали уроки у нас. Теперь настало время и нам у них кое-чему поучиться. Но их интегральная модель не менее интересна для Кубы и Северной Кореи. Она показывает, как, не поступаясь принципами прогресса, демократии, стремления к справедливости, да и социализма, можно находить требуемые решения для выхода из, казалось бы, тупиковых ситуаций.

Меняющееся лицо

К 2020 году Вьетнам поставил себе задачу превратиться в индустриальную державу, подобно Китаю стать “мировой фабрикой”. Уже сегодня его промышленность даёт свыше 40% ВВП страны. Между тем, в конце антиколониальной войны Сопrotивления этот показатель равнялся 1,5%. В стране энергично строятся металлургические, машиностроительные, нефтеперерабатывающие заводы, создаются компьютерные производства, горнодобывающие фабрики, развивается судостроение. По тоннажу выпускаемых судов Вьетнам уже обошёл Россию и занимает 5-е место в мире.

На совместных предприятиях выпускается 90 тысяч автомобилей известных брендов в год. Особый упор делается на самые современные отрасли: электронику, приборостроение, биотехнологии. Стремительно развиваются ИТ. В одном из попавшихся под руку номеров газеты “Сайгон таймс” отмечалось, что городская администрация планирует истратить в текущем году 14,3 млн долларов на дальнейшее развитие электронного управления (E-governance) – в три раза больше, чем в 2012 году.

Правительство Вьетнама прокламировало морскую стратегию в период до 2020 года, направленную на ускоренное развитие экономики прибрежных территориальных вод и континентального шельфа. Морские берега Вьетнама тянутся на 3 с лишним тысячи километров. Неподалёку от них находится множество островов, ждущих освоения. В ближайшие годы планируется существенно увеличить долю этой экономики.

В рейтинге уровня жизни стран за прошлый год, составленном независимым институтом *Legatum Institute*, Вьетнам находился на 61-м месте (поднялся за год на 16 позиций). Россия в списке занимала 63-е место, а Украина – 69-е.

Общая грамотность в СРВ превышает 90% населения. Осуществлено всеобщее начальное школьное обучение, начался переход к неполному среднему образованию: оно введено уже в половине провинций и городов. Продолжительность жизни растёт: теперь она увеличилась до 75 лет.

В итоге политики “дой мой” удалось не только существенно поднять жизненный уровень населения, но и укрепить вооружённые силы, осуществить немало масштабных экономических программ, таких как полная электрификация, развитие сотовой связи и интернета, нарастить экспортный потенциал, реконструировать автомобильные дороги, развернуть массовое жилищное строительство, создать современную инфраструктуру для иностранного туризма, развить внутренние и международные авиалинии.

После возвращения из Индокитая мне приходилось не раз обмениваться впечатлениями с теми, кто бывал там ранее. С давно не посещавшими Вьетнам людьми мнения не совпадали. Некогда проведший на дипломатической работе в Таиланде долгие годы Ю. П. Михайлов, например, утверждал, что когда в середине 1980-х годов приезжал в Ханой, местные коллеги не советовали ему гулять по вечерам одному. “Вьетнамцы, – вспоминал он, – жили тогда намного хуже тайцев, может, поэтому злоба и неприязнь читалась на их лицах”.

Реформы “дой мой” изменили облик нации. После долгих лет войны разрушенный до основания, обескровленный Вьетнам вышел в мировые лидеры по темпам хозяйственного роста, стал страной со средним уровнем дохода на душу населения по международным стандартам. Триумф, таким образом, был одержан и на экономическом фронте.

Страна показала и силу духа своего народа, и способность прощать коллаборационистам и агрессорам их “старые грехи”. Бывшие солдаты марионеточной армии и служащие старого административного аппарата южной части Вьетнама стали равноправными гражданами воссоединившейся страны. Франции простили жестокость колониальной эпохи, Японии – оккупацию во время Второй мировой войны, Китаю – вторжение в 1979 году и поддержку режима Пол Пота в Камбодже, Соединённым Штатам – ужасы “грязной войны”. Простили, но не забыли. . .

Верный алгоритм

Страной был найден верный алгоритм развития. Казалось бы, ничто не мешало ей отказаться от своих идеалов и просто интегрироваться в капиталистический мир, как это сделали страны Восточной Европы. Но этого не случилось. Выбор оказался совершенно иной.

Не изменив духу марксизма, Вьетнам дал достойный ответ на вызовы времени. Впитавший мудрость древней восточной философии и культуры, он добавил к ним достижения западной цивилизации.

Сегодня Вьетнам успешно общается и работает со всем миром. Особенно хорошие отношения из бывших соцстран он поддерживает с Белоруссией, Казахстаном, Кубой. В последнее время быстро развиваются связи с Индией, особенно экономические. Политическая стабильность Малого дракона ценится правящими кругами Запада во главе с США. Регулярная критика с их стороны ведётся по поводу так называемого преследования диссидентов. Однако безопасность инвестиций оказывается гораздо важнее демократических характеристик существующего строя. Не случайно многие эксперты называют теперь Вьетнам не иначе, как “любимым дитятей Запада в Юго-Восточной Азии”.

Вьетнамский народ доволен итогами политики обновления. Экономика не утратила социальной ориентации. Здесь не применялись методы “шоковой терапии”. Никто не фетишизировал “невидимую руку” рынка, якобы способного поддерживать пропорциональность и гармонию в обществе. Позитивный эффект “дой мой” чувствует на себе каждый: и горожане, и жители деревни, и те, кто трудится в отдалённых и сложных районах.

Поэтому вьетнамцы поддерживают своё политическое руководство. Оно имеет возрастные ограничения пребывания во власти – людей старше 70 в высшем партийно-государственном эшелоне не найти. А сменяются лидеры не реже, чем через десять лет. Их кандидатуры длительно и тщательно отбираются с пониманием того, что от этих людей во многом зависит судьба нации. Все, занимающие эти должности, как правило, обладают богатым опытом организационной работы в военное и мирное время на различных партийных и государственных постах. Это дети революционной борьбы в подполье, бывшие бойцы-освободители и командиры партизанских отрядов, а не перерожденцы-бюрократы.

Так, президент страны Чыонг Тан Шанг (1949 года рождения) воевал против американцев в отряде спецназа на Юге в провинции Лонган неподалёку от Сайгона. В 1971 году был арестован и несколько лет провёл в американской тюрьме на острове Фукуок. В числе других его освободили после заключения Парижского соглашения по Вьетнаму. По окончании войны работал на хозяйственном и политическом поприщах. В конце 1990-х – секретарь парткома Сайгона, позже – член Политбюро ЦК КПВ.

Нынешний Генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг (1944 года рождения) хорошо помнит времена вооружённого сопротивления вьетнамского народа против французских и американских экспансионистов. В партию он вступил в 23 года в период эскалации агрессии США во Вьетнаме. Окончив факультет иностранных языков в Ханойском университете, начинал журналистскую карьеру в теоретическом и политическом журнале ЦК КПВ *Tạp chí Cộng Sản* “Коммунист”. Затем был направлен в Советский Союз в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1983 году защитил диссертацию и получил степень кандидата исторических наук. Вернувшись на родину, был назначен главным редактором упомянутого журнала, одновременно стал профессором Ханойского университета, затем был избран членом ЦК КПВ, вошёл в Политбюро. Несколько лет он курировал вопросы идеологии, культуры

и образования и отвечал за теоретическую работу партии. Его послужной список продолжает пополняться и в последующие годы: депутат Национальной ассамблеи, секретарь Ханойского городского комитета КПВ. В 2006 году его избрали председателем Национального собрания – высшего законодательного органа страны. На состоявшемся в январе 2011 года XI съезде КПВ он стал Генеральным секретарем партии, сменив находившегося до этого 10 лет на этой должности Нонг Дык Маня.

Премьер-министр Нгуен Тан Зунг (1961 года рождения) 12-летним мальчиком добровольно присоединился к армии Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. На первых порах выполнял задачи в области связи, присматривал за больными и работал медиком. За годы Вьетнамской войны Зунг был четырежды ранен. В конце прошлого века занимал пост первого заместителя премьер-министра и возглавлял Государственный банк Вьетнама, позже его избрали членом Политбюро ЦК КПВ. Правительство страны возглавляет с июня 2006 года.

Председатель считающегося высшим органом государственной власти Национального собрания Вьетнама Нгуен Синь Хунг до этого был вице-премьером правительства СРВ. В соответствии со ставкой на строительство “правового государства”, значимость Парламента возрастает. Открытые заседания депутатов часто транслируются по радио и ТВ в режиме *on-line*.

Рука на пульсе

Руководство страны старается держать руку на пульсе общества. В дни его пребывания во Вьетнаме местные газеты информировали о том, что только за последние три месяца по всей стране состоялось 30 тысяч встреч, посвящённых обсуждению проекта поправок к Конституции 1992 года. На них было собрано 8 миллионов мнений и предложений от представителей всех социальных групп общества. Рассказывалось и о дискуссиях по поводу необходимости снижения налогов на бизнес: по данным министерства планирования и инвестиций, в первом квартале этого года закрылось 16 тыс. предприятий, а за два последних года – 116 тыс. Кроме того, некоторое число из 450 тыс. активно действующих в стране фирм сократили производство на 30%.

В прессе муссировался вопрос о расширении возможностей получения низких (6-процентных) займов для строительства жилья малообеспеченным слоям населения. Немало материалов было посвящено мерам по защите окружающей среды, поиску путей улучшения инфраструктуры и решению проблем занятости. Беспокойство вызывают и рост государственного долга, достигшего 55% ВВП (в 2005 году – 37%), некоторое снижение темпов экономического роста, проблемы рентабельности ряда предприятий, принадлежащих государству, наркотрафик.

Из так называемого “золотого треугольника”, находящегося на территории Лаоса, Бирмы и Таиланда, через Вьетнам проходит *героиновый путь*, а из Камбоджи поступает марихуана. Только за текущий год в стране были осуждены тысячи наркокурьеров, из них несколько десятков приговорены к смертной казни. Больше всего организованных преступных группировок находится в Сайгоне, где промышленляют продажей людей в притоны Китая и Камбоджи.

СМИ Вьетнама не скрывают растущую коррупцию на всех уровнях. Монополия и привилегии партийно-государственной номенклатуры порождают клановый капитализм. Функционеры сращиваются с бизнесом, а своих детей направляют учиться в западные университеты. Некоторые кадровые работники КПВ имеют свою сеть во всех эшелонах госаппарата. Скандалы, в которых замешаны высокопоставленные чиновники, идут один за другим. Применение высшей меры наказания, как в Китае, практикуется и здесь, но в меньшей мере. Печать освещает и многие другие проблемы и трудности. Но они не отменяют общий стремительный прогресс вьетнамского государства.

Счастливая нация?

Героическая победа Вьетнама в развязанной американскими агрессорами “грязной войне” стала его звёздным часом в международной жизни. Затем имя страны на время ушло в политическую тень. Теперь Вьетнам вновь выходит на

мировую авансцену, но уже в иной ипостаси – заговорили об “экономическом чуде Малого дракона”. Мы попытались дать этому своё объяснение.

Вектор, избранный страной, привёл её к формированию интегрального, конвергентного общества. В его ядре – жизнеспособный сплав плановых и рыночных отношений. Смешанная система сочетает в себе противоречивые компоненты из разных социальных формаций. Но она **не** является переходной ни к одной из них. Интегральное общество превосходит своих исторических предшественников (и капитализм, и социализм), старается вобрать в себя как можно больше их достоинств и освободиться от присущих им недостатков. Современный Вьетнам – это продукт синтеза, историческое детище общественного развития, **форма настоящего и будущего гармоничного устройства общества**, обеспечивающего оптимальные результаты.

Комбинированное общество требует понимания его природы. Руководство СРВ движется по острию ножа, пытаясь балансировать и поддерживать как социальную справедливость, так и эффективность экономического развития. Этот путь, конечно, далёк от благостной идиллии, что понимает и руководство страны, и большинство её народа. Временами неизбежны отклонения в ту или иную сторону. При этом злопыхатели каждый раз издадут много шума. А караван уверенно идёт вперёд.

Сохранится ли этот симбиоз через пятьдесят или сто лет – сказать трудно. Будущее непредсказуемо. Но непреложен факт, что сегодняшний Вьетнам – одно из наиболее быстрорастущих и гармоничных государств не только в Азии, но и во всём мире.

Чем не счастливая нация?